
L KRIS
СТУДЕНТКА
ДЛЯ
ХИРУРГА
18+

L Kris
Студентка для хирурга

https://litres.ru/74824664
SelfPub; 2026

Аннотация

Максим Северов — легенда хирургии и мой кошмар.

Когда декан пристроил меня к нему на практику, я думала, что умру от счастья. Гений скальпеля согласился меня обучать! Теперь хочу умереть от стыда. И от того, что его присутствие делает с моим телом.

— С такими неумелыми руками ты скорее убьёшь пациента, малышка. Хотя... есть вещи, с которыми ты справилась бы гораздо лучше.

Его издёвки, жёсткие взгляды, двусмысленные намёки — я терплю всё. Пока не срываюсь:

— Вы просто боитесь, что я окажусь лучше вас!

Гробовая тишина. Северов медленно встаёт из-за стола. Обходит меня. И я понимаю: совершила роковую ошибку.

— Повтори, — хрипло требует он.

— Вы боитесь меня!

На его губах появляется хищная улыбка. Пальцы властно вплетаются в мои волосы, притягивая к себе — резко, грубо.

— Вот теперь ты мне нравишься, Белова. Хочешь научиться быть лучше меня?

— Д-допустим...

— Тогда, будешь делать всё, что я скажу. Абсолютно всё. В операционной... и далеко за её пределами.

Студентка для хирурга

Каждый день — испытание на прочность. Едкие комментарии. Бесконечные переделывания отчётов. Задержки на работе до полуночи — наедине с ним, в пустой клинике. Он наслаждается ее неопытностью, скромностью, покорным молчанием. Соня ненавидит этого хирурга, тогда почему внутри все вспыхивает от его прикосновений!?

Глава 1.

Иду по коридору частной клиники «Спектр», и мои но-

венькие туфли предательски постукивают по мраморному полу. Сердце колотится где-то в горле, ладони влажные, и я в сотый раз поправляю белую блузку, которую выбирала вчера три чёртовых часа.

Первый день практики у самого Максима Северова.

Я до сих пор не верю, что это происходит со мной. С Соней Беловой, девчонкой из спального района, которая поступила на бесплатное только благодаря тому, что зубрила учебники ночами напролёт, пока её подружки пили коктейли в клубах и постили селфи в Инстаграме.

Максим Северов — легенда пластической хирургии. Мужчина, который превращает обычных людей в произведения искусства. Хирург, к которому за операцией летят из-за границы. Гений, чьи работы публикуют в международных медицинских журналах.

И он *никогда* не берёт студентов на практику. Никогда.

Пока декан Виктор Павлович, который, как оказалось, учился с Северовым в одном университете, не уговорил его сделать исключение. Для меня. Для лучшей студентки курса.

Я останавливаюсь перед массивной дверью с табличкой «Кабинет главврача» и делаю глубокий вдох. Потом ещё один. Разглаживаю юбку, проверяю, не размазалась ли помада.

Ты готова, Соня. Ты всю жизнь к этому шла. Это твой шанс.

Стучу три раза — уверенно, но не нагло.

— Войдите, — раздаётся из-за двери низкий мужской голос, от которого по спине пробегает странная дрожь.

Толкаю дверь, переступаю порог, и, мать его, замираю.

Кабинет огромный — панорамные окна от пола до потолка, через которые виден весь город, дорогая мебель, на стенах дипломы и благодарности, но я всего этого почти не замечаю.

Потому что за массивным столом из тёмного дерева сидит *он*.

Максим Северов.

И чёрт возьми, фотографии в интернете не передают и десятой доли.

Ему около тридцати пяти, может, чуть больше. Тёмные волосы с лёгкой сединой на висках — той самой, что делает мужчин не старше, а чертовски привлекательнее. Резкие черты лица, словно высеченные скульптором, который не боялся острых углов. Сильная челюсть. И глаза...Господи, эти глаза. Серые, холодные, прожигающие насквозь. И смотрят они на меня так, будто я здесь гость нежеланный.

Он откидывается на спинку кресла, не отрываясь от каких-то бумаг, и только через долгих десять секунд, а я считаю каждую, поднимает взгляд.

Окидывает меня с ног до головы. Медленно. Оценивающе.

Я чувствую, как краснеют щёки. Стою, как истукан, сжимая в руках папку с документами, и не могу выдавить ни

слова.

— Белова? — холодно произносит он, и я киваю, не доверяя собственному голосу. — Садись.

Не «присаживайтесь», не «рад знакомству». Просто «садись», как собаке.

Я опускаюсь на стул напротив, спина прямая, колени сжаты. Протягиваю папку через стол:

— Здравствуйте. Я Софья Белова, студентка четвёртого курса медицинского. Вот мои документы, характеристика от деканата, результаты сессий...

Он даже не смотрит на папку. Его взгляд прикован ко мне, и от этого внимания хочется провалиться сквозь землю.

— Я в курсе, кто ты, — обрывает мужчина, и в голосе нет ни капли тепла. — Виктор названивал мне неделю. Чуть ли не умолял взять тебя. Видимо, ты произвела на декана большое впечатление.

В его интонации звучит что-то... скользкое. Неприятное. Как будто он намекает на нечто совсем не связанное с моими академическими успехами.

— Я... я просто хорошо учусь, — выдавливаю из себя, чувствуя, как сжимается желудок. — У меня средний балл четыре девяносто три, я дважды побеждала в олимпиадах по хирургии, публиковалась в студенческом медицинском журнале...

— Очень мило, — перебивает Северов, и его губы кривятся в подобии усмешки. Но в глазах остаётся тот же лёд.

— Отличница. Зубрила. Наверное, друзей нет, только учебники?

Я сглатываю комок в горле. Это... это унизительно. Я представляла эту встречу сотни раз. Воображала, как он пожмёт мне руку, скажет, что рад видеть талантливую студентку, что вместе мы сделаем отличную работу. А вместо этого он смотрит на меня, как на назойливую муху.

— У меня есть друзья, — тихо отвечаю, хотя это наглая ложь. — Просто учёба для меня важнее развлечений.

— Значит, ты из тех скучных девочек, что считают карьеру смыслом жизни?

Он встаёт из-за стола, а я непроизвольно сжимаюсь. Мать твою, этот мужик намного выше, чем казалось. Широкие плечи под безупречным темно-синем хирургическим костюмом, длинные пальцы хирурга, запах дорогого мужского парфюма.

Северов обходит стол и оказывается рядом. Слишком близко. Он опирается бедром о край столешницы и смотрит на меня сверху вниз — властно и надменно.

— Давай сразу расставим точки над i, Белова. Ты здесь только потому, что Виктор мой старый друг, и я не смог отказать ему. Это не значит, что я рад тебя видеть.

Его взгляд снова скользит по мне, задерживаясь на расстёгнутой верхней пуговице блузки, на юбке, которая вдруг кажется слишком короткой. Машинально одергиваю подол проклятой юбки, пытаясь натянуть так, чтобы спрятать ко-

лени.

— Не льсти себе. Я не беру студентов по одной простой причине: вы все бесполезны. Только мешаетесь под ногами.

Сжимаю кулаки, чувствуя, как внутри разгорается обида вперемешку с яростью.

— Я не буду мешаться, — с трудом сдерживаю дрожь в голосе. — Я готова работать сутками, делать всё, что нужно. Я *хочу* учиться. Хочу стать лучшим хирургом...

— Лучшим? — Северов усмехается, и этот звук отдаётся где-то в груди. — С такими мягкими ручками, как у тебя? — Он протягивает руку и неожиданно хватает меня за запястье.

Его пальцы горячие, сильные. Он поднимает мою ладонь на уровень глаз, изучает её, проводит большим пальцем по тыльной стороне. Медленно. Почти интимно.

— Видишь? — его голос становится ниже, — Нежная кожа. Ни одной мозоли. Ты вообще держала скальпель хоть раз? Или только в учебнике видела?

Я дёргаю руку, пытаясь освободиться, но он не отпускает.

— Я ассистировала на операциях, — огрызаюсь, хотя сердце колотится так, что, кажется, он это слышит. — Три раза. И преподаватели говорили, что у меня твёрдая рука.

— Твёрдая рука? — Северов фыркает и наконец отпускает моё запястье. — Малышка, с такими руками ты скорее убьёшь пациента, чем поможешь ему. Хирургия — это не зубрёжка по учебникам. Это искусство.

Он делает паузу, и его взгляд темнеет.

— Впрочем... есть вещи, с которыми ты, возможно, могла бы справиться лучше.

Я моргаю, не сразу понимая. А потом до меня доходит.

Лицо вспыхивает огнём. Я вскакиваю со стула:

— Я не понимаю, о чём вы...

— Не притворяйся невинной овечкой, Белова, — он нависает надо мной, и я упираюсь спиной в стул. — Ты же не думала, что здесь будут сюсюкаться с тобой, как в университете? Хвалить за пятёрки в зачётке?

Его губы изгибаются в усмешке, от которой становится не по себе.

— В моей клинике работают профессионалы. А ты — никто. Так что если думаешь, что я буду нянчиться с тобой и давать лёгкие задания, то разворачивайся и иди обратно к своим учебникам.

Я стою, дышу тяжело, и на глазах предательски наворачиваются слёзы. Нет. Чёрта с два я расплачусь перед ним.

— Я справлюсь, — цежу сквозь зубы. — Со всем, что вы мне дадите.

— Правда? — Северов приближается ещё на шаг, и теперь между нами всего пара сантиметров. Я чувствую тепло его тела, запах парфюма с нотками кедра и чего-то пряного. — Тогда докажи. Сегодня в три часа у меня операция — лигаментотомия. Будешь ассистировать.

Моё сердце подпрыгивает. Операция. В первый же день. Это...Черт, я даже не знаю что обозначает это слово. Вдруг

становится стыдно. Но в тоже время я и не могу знать таких специфических терминов на четвертом курсе.

— Я буду, — выдыхаю, поднимая взгляд.

Не позволю этому типу глумиться. Докажу, что могу не только зубрить теорию.

— Посмотрим, как ты запоёшь, когда увидишь настоящую кровь, а не картинки из учебника, — он отстраняется, возвращается за стол. Берёт своё кресло.

— А теперь проваливай. У меня нет времени развлекать студенток. Явишься в операционную без опоздания, узнаешь расписание у медсестры на ресепшене.

Я стою ещё секунд десять, не в силах двигаться. Всё это... не так. Совсем не так, как я представляла.

Северов даже не смотрит в мою сторону, уткнувшись в документы.

— Ты ещё здесь? — бросает он, не поднимая головы.

Я разворачиваюсь и, сжав зубы, выхожу из кабинета.

Дверь закрывается за моей спиной с тихим щелчком.

И только в коридоре, прислонившись к холодной стене, я позволяю себе выдохнуть.

Что. За. Чёрт.

Максим Северов оказался полной противоположностью того, что я ожидала увидеть. Грубый. Циничный. Высокомерный. И эти его намёки... эти взгляды...

Я провожу ладонями по лицу, пытаясь остудить пылающие щёки.

Но самое страшное даже не в этом.

Самое страшное — что когда он стоял так близко, когда касался моего запястья, когда его голос становился низким и хриплым... что-то внутри меня отзывалось.

Что-то тёмное. Неправильное.

Я качаю головой, прогоняя эту мысль к чертям.

Соберись, Белова. Ты здесь ради карьеры. Ради мечты. Не дай этому высокомерному ублюдку сломать тебя.

Я выпрямляю плечи, поправляю юбку и иду к ресепшену узнавать расписание.

Максим Северов думает, что я сдамся после первого же его колкого замечания?

Ошибается.

Я докажу ему, что заслуживаю быть здесь. Докажу, что я не просто зубрила с учебниками.

Что бы мне это ни стоило.

Глава 2.

Я сижу в ординаторской на жёстком диване, судорожно листаю учебник по пластической хирургии и пытаюсь привести мысли в порядок.

«Соберись, Белова. Ты не для того пахала все эти годы, чтобы теперь психовать из-за какого-то высокомерного хирурга» - мысленно настраиваю сама себя и закрываю глаза, делая глубокий вдох и выдох.

Вспоминаю нашу крошечную двушку на окраине, где мама стирает чужое бельё за копейки, а отец вкалывает на за-

воде в три смены. Вспоминаю, как они отдавали мне последнее, чтобы я могла купить учебники. Как мама плакала от счастья, когда я поступила на бюджет.

Я не имею права сдаться. У меня нет запасного плана. Нет богатых родителей, которые оплатят мне другую практику. Это мой единственный шанс.

Провожу ладонями по лицу, прогоняя остатки слабости. Северов — просто очередное испытание. Я справлялась с преподавателями, которые цеплялись к каждой запятой в реферате. Справлюсь и с ним.

На часах половина второго. Полтора часа до операции.

Я снова подхожу к ресепшену, куда наконец-то явилась молоденькая медсестра с идеальным маникюром печатает что-то на компьютере.

— Простите, мне сказали узнать расписание операций, — стараюсь говорить уверенно. — Я Соня Белова, практикантка.

Медсестра поднимает на меня взгляд, и в её глазах читается нечто среднее между сочувствием и любопытством.

— А, так это ты. Уже все в клинике знают, что Северов взял студентку. — Она щёлкает мышкой. — Операция в три часа дня, вторая операционная, третий этаж. Форму возьмёшь в раздевалке там же, код доступа 2847. И... — она наклоняется ближе, понижая голос, — удачи тебе. Северов во время операций ещё тот зверь.

Ещё тот зверь. Отлично. Просто прекрасно.

Я бормочу благодарность и иду на третий этаж.

Раздевалка при операционной пуста. Стерильная чистота, запах антисептика и лёгкий холодок от кондиционера. Я нахожу хирургический костюм моего размера — зелёные штаны и рубашка, одноразовая шапочка, маска, бахилы.

Переодеваюсь быстро, привычно — практика в университетской клинике хоть чему-то научила. Убираю волосы под шапочку, натягиваю бахилы.

Смотрю на себя в зеркало. Большие глаза, бледное лицо. Выгляжу напуганной. Проверяю время, еще могу успеть хоть немного подготовиться.

Достаю телефон и открываю браузер. Надо освежить в памяти, что такое блефаропластика. Я, конечно, знаю в теории — пластика век, коррекция нависающих складок, устранение мешков под глазами. Но лучше перечитать все нюансы, чтобы не опозориться.

Набираю в поиске: «лигаментотомия». Что это, мать ее, вообще такое? Я судорожно пытаюсь вспомнить что-нибудь из учебников. Лигаменты — это связки... Томия — рассечение...

Рассечение связок. Но каких? Где?

Первая же статья заставляет меня застыть с открытым ртом.

«Лигаментотомия — хирургическая операция по увеличению длины полового члена путём рассечения поддерживающей связки...»

Я перечитываю. Ещё раз.

Нет.

Нет, нет, нет.

Это не может быть правдой.

Судорожно прокручиваю статью дальше. Фотографии. Схемы. Подробное описание процедуры.

Увеличение. Длины. Члена.

Я буду ассистировать на операции по увеличению чьего-то... господи боже.

Лицо вспыхивает так, что, кажется, можно яичницу жарить. Сердце колотится? как бешеное. Я откидываюсь на спинку стула и пытаюсь дышать.

«Спокойно, Соня. Ты врач. То есть, будущий врач. Для врача нет ничего постыдного в человеческом теле. Член — это просто орган. Обычный орган» - повторяю сама себе вслух, стараясь выровнять дыхание.

Господи, да кого я пытаюсь обмануть? Я краснею, когда вижу голый торс в кино. Я ни разу в жизни не видела эту часть мужского тела вживую — только в учебнике по анатомии, да и то смотрела на картинки искоса, смущаясь.

А теперь мне предстоит не просто увидеть, а стоять рядом, подавать инструменты, наблюдать за процессом операции...

На член. Мать его. На чей-то реальный живой член.

Я в ужасе пролистываю статью дальше, пытаясь хоть както морально подготовиться. Рассечение связки. Перемещение жировой ткани. Увеличение в среднем на три-пять сан-

тиметров...

Дверь в раздевалку распахивается с таким грохотом, что я подпрыгиваю и чуть не роняю телефон.

В проёме стоит Максим Северов. Уже в операционной форме, в шапочке, из-под которой выбивается прядь тёмных волос. Маска спущена на подбородок. И выражение лица у него такое, будто он застукал меня за чем-то непристойным.

— Белова, какого хрена ты тут сидишь? — рявкает он. — Операция через десять минут, а ты в телефоне ковыряешься!

Я вскакиваю, пряча телефон в карман.

— Я... я готовилась. Читала про операцию...

— Готовилась? — Его бровь вздрагивает. — К лигаментотомии? — В его голосе звучит издевательская нотка. — Что, в твоих умных учебниках про это не пишут?

— Я... — Мой язык словно прилип к нёбу. — В программе этого не было...

— Конечно, не было. — Северов усмехается и подходит ближе. — Потому что эта операция требует не только знания анатомии, но и умения не падать в обморок при виде мужского достоинства.

Он внимательно смотрит на моё пылающее лицо.

— Ты же не упадёшь в обморок, Белова? Или мне лучше позвать еще одну медсестру вместо тебя?

Внутри вспыхивает злость. Он специально. Специально издевается, хочет, чтобы я отказалась.

Ни за что.

— Не упаду, — цежу сквозь зубы, хотя сердце колотится где-то в пятках.

— Вот и посмотрим. — Он разворачивается к двери. — Пошли. И надень маску. А то пациент подумает, что ты пришла не операцию проводить, а на порнуху смотреть, с такой-то красной физиономией. Стискиваю зубы и следую за ним, натягивая маску. Руки предательски дрожат.

Операционная встречает меня стерильной белизной, яркими лампами и тем специфическим запахом - смесь антисептика, латекса и чего-то металлического.

На операционном столе уже лежит пациент под наркозом - мужчина лет сорока, накрытый стерильной простынёй. Операционное поле обработано, обложено стерильными салфетками.

И да. Там. Между его ног.

Я быстро отвожу взгляд, чувствуя, как щёки полыхают под маской.

Помимо Северова в операционной находятся анестезиолог - мужчина средних лет, который проверяет какие-то датчики на мониторе, и медсестра. Молодая, с карими глазами, которые сейчас с любопытством смотрят на меня.

— Знакомьтесь, — небрежно бросает Северов, подходя к раковине мыть руки. — Это Соня Белова, студентка-практикантка. Будет сегодня учиться.

Насмешливая пауза.

— Если не упадёт в обморок.

Медсестра — судя по бейджу, её зовут Марина громко хихикает, прожига меня надменным взглядом..

Я стою у стены, не зная, куда деть руки, и чувствую себя полной идиоткой.

— Белова, ты что, вообще не в курсе, как себя вести в операционной? — Северов вытирает руки стерильным полотенцем, которое ему подаёт медсестра. — Иди мой руки. Дальше стерильные перчатки. Быстро.

Я бросаюсь к раковине. Мою руки, как меня учили, тщательно, между пальцами, под ногтями. Марина подаёт мне перчатки, и я натягиваю их, стараясь не касаться нестерильных поверхностей.

— Становись сюда, — Северов указывает на место справа от себя, возле операционного стола.

Я подхожу. И впервые позволяю себе посмотреть на операционное поле.

О. Господи.

Я видела анатомические атласы. Видела схемы в учебниках. Но это...

Это совсем другое.

— Белова, ты чего там застыла? — раздражённо бросает Северов, натягивая вторую перчатку. — Член никогда не видела?

Марина снова хихикает, и я готова провалиться сквозь землю.

— Видела, — выдавливаю из себя. — В учебнике.

— В учебнике, — протягивает Северов, и даже через маску я вижу его издевательскую усмешку. — Ну что ж, малышка, сегодня увидишь в реальности. Поздравляю с первым разом.

Марина давится смехом уже открыто. Анестезиолог что-то бормочет себе под нос, проверяя показатели на мониторе.

Мне хочется испариться. Просто взять и испариться к чертям.

— Итак, — Северов берёт скальпель, и его голос становится деловым, — лигаментотомия. Суть операции: рассечение поддерживающей связки полового члена, что позволяет увеличить его видимую длину. Он смотрит на меня.

— Белова, расскажи, где находится эта связка.

Я судорожно пытаюсь вспомнить статью, которую читала десять минут назад.

— П-поддерживающая связка крепится к лобковому симфизу... — бормочу, стараясь не смотреть вниз.

— Смотри сюда, а не в потолок, — Северов толкает меня локтем в плечо. — Ты здесь учиться или в обморок падать?

Я стискиваю зубы и заставляю себя смотреть.

— Поддерживающая связка, — повторяет Северов, проводя скальпелем разрез у основания. — Видишь? Вот она. Держит член близко к лобковой кости. Рассекаем её, высвобождается скрытая часть. В среднем три-пять сантиметров.

Его движения точные, уверенные. Руки не дрожат ни на миллиметр. Я заворожено наблюдаю за тем, как скальпель

входит в ткани, как показывается связка...

— Зажим, — бросает Северов, протягивая руку.

Марина подаёт ему инструмент, и я понимаю, что должна была это сделать я.

— Белова, ты тут как статуя стоять будешь или ассистировать? — рычит он. — Я говорю — ты подаёшь. Быстро и без тупых вопросов. Усекла?

— Да, — выдавливаю я.

— Тампон.

Я ищу глазами стол с инструментами. Чёрт, где тампон? Вот, кажется...

Протягиваю его Северову, но он даже не смотрит.

— Не туда, криворукая. В левую руку. У меня правая занята.

Я торопливо перекладываю тампон ему в левую ладонь, и он промокает кровь, обнажая операционное поле.

— Видишь связку? — спрашивает он уже спокойнее, продолжая работать. — Вот она. Сейчас рассекаем. Смотри внимательно.

Скальпель делает точный разрез, и связка расходится под лезвием.

— Член получает подвижность, — комментирует Северов, — видимая длина увеличивается. Дальше ушиваем, фиксируем ткани, чтобы избежать повторного сращения связки.

Этот засранец поднимает уверенный взгляд на меня.

— Белова, какой шовный материал используется для этого типа операций?

Мой мозг судорожно перебирает варианты.

— Рассасывающийся... викрил?

— Правильно. Марина, иглу с викрилом три-ноль.

Медсестра подаёт иглу, и Северов начинает накладывать швы. Его пальцы двигаются быстро, ловко, создавая идеально ровные стежки.

Я наблюдаю, забыв про смущение, про страх, про всё. Это... красиво. Именно так — красиво. Движения хирурга похожи на какой-то точный отточенный танец.

— Перестань пялиться на меня, как влюблённая дурочка, — усмехается Северов, не отрываясь от работы. — Лучше смотри на операционное поле. Хотя ты, похоже, предпочитаешь пялиться на другое.

Моё лицо снова вспыхивает.

— Я смотрю на операцию! — огрызаюсь.

— Тогда расскажи, сколько швов я уже наложил?

Чёрт. Я правда так загляделась на его руки, что не считала...

— Шесть? — наугад говорю.

— Семь. Двойка, малышка. — В его глазах пляшут насмешливые огоньки. — Невнимательная ты. В хирургии это недопустимо. Одна ошибка и пациент может остаться без своего драгоценного члена.

Марина снова выдает смешок, и я сжимаю кулаки.

Операция продолжается ещё минут двадцать. Северов комментирует каждое своё действие, иногда задаёт мне вопросы — каверзные, неожиданные. Я отвечаю на половину правильно, на остальные — либо мямлю что-то невнятное, либо признаюсь, что не знаю.

Каждый раз, когда я ошибаюсь, на губах Северова появляется та самая издевательская усмешка, которую я вижу, даже через маску на его лице.

— Последний шов, — наконец говорит он, завязывая нить. — Марина, стерильная повязка.

Медсестра накладывает повязку на операционное поле, и Северов отступает от стола, снимая перчатки.

— Всё. Пациента в палату.

Максим смотрит на меня.

— Ну что, Белова? Первая операция по увеличению члена. Как впечатления?

Я стягиваю маску, жадно вдыхая воздух.

— Интересно, — выдавливаю, хотя сердце всё ещё колотится.

— Интересно. — Северов фыркает, проходя мимо меня к раковине. — Ты хоть раз за всю операцию не покраснела?

— Я не краснела!

— Да ты вся красная, как помидор, малышка.

Он моет руки, не глядя на меня.

— Даже через маску было видно. Марина, она красная была?

— Как рак, — с готовностью подтверждает Марина, и в её голосе слышится смех.

Я стискиваю зубы так, что сводит скулы.

— Это нормальная реакция, — цежу сквозь зубы. — Я первый раз видела такую операцию.

— А ты думала, на моей практике будешь милые носики студентам поправлять? — Северов вытирает руки, разворачивается ко мне. Подходит ближе.

— Я специально начал с лигаментотомии, чтобы проверить, выдержишь ли ты вообще или сбежишь после первого же дня.

Он нарочно. Нарочно выбрал именно эту операцию, чтобы унизить меня, чтобы я чувствовала себя глупой девчонкой.

— Я не сбегу, — выплевываю каждое слово по отдельности.

— Правда? — Северов останавливается в паре сантиметров от меня. Смотрит сверху вниз, и в его глазах читается вызов. — Увидим, малышка. Увидим. Завтра в девять утра. Маммопластика. Не опоздаешь — может, даже позволю скальпель подержать.

Он разворачивается и выходит из операционной, оставляя меня стоять посреди стерильной белизны, с бешено колотящимся сердцем и горящим лицом.

Марина снимает маску и смотрит на меня с нескрываемым любопытством.

— Ты первая студентка, которую он взял за последние пять лет, — говорит она. — И первая, кто выдержал его на операции, не расплакавшись.

— Ещё не вечер, — бормочу я, стягивая перчатки.

Марина смеётся.

— Мне ты нравишься. Может, и правда продержишься дольше двух дней.

Молча, иду в раздевалку, переодеваюсь обратно в свою одежду и сажусь на скамейку, уткнувшись лицом в ладони.

Первый день. Первая операция.

И я только что видела чей-то... господи.

Ты справилась, Соня. Ты выдержала.

Но почему-то от этой мысли легче не становится.

Потому что впереди ещё месяц практики с Максимом Северовым.

И что-то мне подсказывает, что сегодняшнее было только разминкой.

Глава 3.

Ключ поворачивается в замке с привычным скрежетом. Надо бы смазать, уже сто раз собиралась, но всё руки не доходят. Толкаю дверь и сразу натыкаюсь на запах жареной картошки и маминого фирменного борща.

— Сонечка, ты? — голос мамы доносится с кухни, и через секунду она уже выглядывает из-за двери, вытирая руки о фартук. — Ну как? Как первый день? Рассказывай всё!

Я стягиваю туфли, ноги гудят так, будто я пробежала ма-

рафон, и плетусь на кухню. Папа сидит за столом с газетой, в своей неизменной домашней клетчатой рубашке. Поднимает на меня взгляд поверх очков.

— Доченька. Как практика?

Опускаюсь на стул и выдыхаю. Господи, кажется, я не дышала весь день.

— Нормально. Устала только очень.

— Ну конечно устала! — Мама уже накладывает мне полную тарелку борща, хотя я даже не успела сказать, что хочу есть. — Первый день всегда тяжёлый, зато какая у тебя возможность! Этот твой доктор Северов говорят, лучший пластический хирург в городе!

Я беру ложку, опускаю ее в борщ, надеясь, что еда отвлечёт родителей от расспросов. Но нет, мама уже устроилась напротив, подперев щёку рукой, и смотрит на меня с таким ожиданием, будто я вот-вот расскажу о встрече с президентом.

— Ну и? Какой он? Строгий? Тебя хвалил?

Я чуть не давлюсь борщом.

Хвалил. Ага. Если «с такими руками ты скорее убьёшь пациента» считается похвалой.

— Он... требовательный, — сдержано отвечаю, не поднимая глаз от тарелки. — Очень профессиональный. Опытный.

— А молодой? — мама не унимается. — Симпатичный?

И вот тут я чувствую, как щёки предательски начинают гореть. Чёрт. Нет-нет-нет, только не это.

— Мам, какая разница? — бормочу себе под нос, старательно изучая кусок свёклы в ложке. — Я туда не на мужиков смотреть пошла, а учиться.

— Ну, я же просто спросила! — Она смеётся, но взгляд у неё внимательный. Слишком внимательный. — Что ты сразу краснеешь?

— Я не краснею!

— Краснеешь, — констатирует папа, откладывая газету и внимательно глядя на меня поверх очков. Его голос становится серьёзнее.

— Соня, ты понимаешь, зачем мы тебя отпустили на эту практику?

О нет. Только не это. Не сейчас.

— Учиться, — отвечаю я с набитым ртом, надеясь, что это прозвучит убедительно.

— Правильно. Учиться, — кивает отец, складывая руки на столе. — Ты там — студентка. Девочка. Молодая, красивая, видная. И этот твой доктор... Он мужчина взрослый, наверняка опытный. Так что ты, доченька, смотри там, не теряй голову.

Я моргаю, не понимая, к чему он клонит.

— Что?

— Я говорю, — папа наклоняется ближе, и его лицо принимает то самое выражение строгого отца-наставника, которое я знаю с детства, — чтобы ты головой думала, а не... не чем-то ещё. Ты туда за знаниями пошла, а не за приключе-

ниями. Мужики они все одинаковые, видят молодую красивую девушку, сразу подкатывать начинают. Особенно если она от него зависит. Так что держи ухо востро и не разменивайся на всякую ерунду, - папа проговаривает каждое слово отдельно, будто по-другому я его не пойму.

Он делает паузу, и его голос становится ещё строже.

— Ты девушка приличная, верующая...

— Пап, я не верующая, — вздыхаю я, хотя мы этот разговор проходили уже раз тридцать.

— Мы ходим в церковь по воскресеньям, — назидательно говорит папа. — Всей семьёй. Это значит, ты верующая.

«Вы ходите. А я стою рядом и считаю ворон, потому что мне легче согласиться, чем слушать часовые проповеди о нравственности»,- проносится в голове, но вслух этого не скажешь.

— Хорошо, пап, — устало киваю в ответ. — Я понимаю. Буду осторожна. Только у меня к парням вообще интереса нет, так что можешь не волноваться.

— Это сейчас нет, — мама встревает в разговор, подливая мне ещё борща. — А потом появится какой-нибудь красавчик-хирург, голову вскружит, и всё - пропала наша Сонечка.

Я мысленно закатываю глаза.

Красавчик-хирург. Мам, если бы ты знала.

Максим Северов действительно чертовски хорош собой и это факт. Но назвать его «красавчиком, который кружит голову»? Это, как назвать ледяную глыбу «приятным освежа-

ющим напитком». Технически правда, но суть совсем в другом.

К тому же, я себя знаю. Я — самая настоящая серая мышь. Зубрила, которая проводит пятницу вечером не на вечеринках, а над учебниками. У меня нет стильной одежды, нет яркого макияжа, нет этой... сексуальности что ли, которая есть у других девчонок.

В универе за мной ухаживали ровно три раза. Все три раза, такие же ботаники, как я. Один из них признался в любви, процитировав формулу синтеза белка. Романтично до чёртиков.

Так, что пусть папа не волнуется. Максим Северов скорее приметит уборщицу тётю Галю, чем меня.

— Я буду осторожна, — повторяю, доедая борщ. — Обещаю. Никаких приключений. Только учёба.

Папа удовлетворённо кивает и возвращается к своей газете. Мама начинает рассказывать про свою подругу Люду, которая опять поссорилась с соседями из-за парковки, и я расслабляюсь, слушая её монотонный голос.

После ужина иду в свою комнату — крошечную, с кроватью, столом и забитым до отказа книжным шкафом. Плюхаюсь на кровать абсолютно без сил.

Первый день позади.

И завтра снова.

Маммопластика. Операция на груди. Хотя бы не такая... пикантная, как сегодняшняя.

Я вспоминаю лицо Северова, его холодный взгляд, едкие комментарии. Вспоминаю, как его пальцы касались моего запястья, как он стоял слишком близко, как смотрел...

«Прекрати. Это всё неважно. Ты там ради карьеры», - убеждаю сама себя.

Я переворачиваюсь на живот, зарываюсь лицом в подушку, приказывая себе заснуть.

Завтра будет проще. Точно будет.

Ой, как же я напрасно надеялась, что следующий день будет куда проще, предыдущего.

Прихожу в клинику ровно в восемь сорок пять , за пятнадцать минут до начала, как учила меня мама: «Лучше прийти раньше, чем опоздать».

Переодеваюсь в раздевалке, натягиваю халат поверх блузки и юбки. Сегодня я выбрала более строгий образ — никаких расстёгнутых пуговиц, юбка до колен, волосы забраны в тугой хвост.

Операция назначена на десять утра, но я решаю зайти в ординаторскую пораньше — посмотреть историю болезни пациентки, освежить в памяти особенности маммопластики.

Толкаю дверь в ординаторскую и вхожу, бодро бормоча себе под нос:

— Итак, маммопластика, увеличение груди, эндопротезирование...

И замираю.

Потому что первое, что вижу, это чья-то обнажённая жен-

ская спина, изогнувшаяся на столе. Вторая вещь — мужские руки, сжимающие бёдра этой самой женщины. Третья — характерные звуки, которые ни с чем не спутаешь. И четвёртое — поднятая вверх голова Максима Северова, который смотрит прямо на меня из-за плеча брюнетки.

Его лицо абсолютно спокойное. Как будто его только что не застукали за... за этим. Мать твою! Да что здесь происходить?

Время останавливается.

Мой мозг отказывается обрабатывать происходящее.

Это не реальность. Это сон. Кошмарный, идиотский сон.

— А, Белова, — спокойно говорит Северов, даже не делая попытки отстраниться от брюнетки. — Рано пришла.

Брюнетка, судя по силиконовой груди размера, наверное, пятого, явно его пациентка, взвизгивает и поспешно слезает со стола, хватаясь за свою одежду.

— О боже, о боже, о боже, — причитает она, судорожно натягивая трусы. Лицо красное, волосы растрёпаны, помада размазана. — Максим, ты сказал, что никто не придёт!

— Я так и думал, — невозмутимо отвечает Северов, всё ещё стоя у стола. И только сейчас до меня доходит, что его брюки спущены до колен. До колен, мать его!

А это значит, что я вижу...

О. Господи. Боже. Я вижу его член. Вживую. Во второй раз за два дня, я вижу мужское достоинство.

Только теперь не под наркозом на операционном столе,

а самый что ни на есть настоящий, принадлежащий моему чёртову наставнику.

Комната начинает плыть. Кровь отливает от лица, потом резко приливает обратно. В ушах звенит.

— Белова, ты чего? — раздаётся голос Северова, и он звучит... обеспокоенно? — Эй, ты в порядке? Только не падай в обморок, малышка.

Я хватаюсь за дверной косяк, пытаясь удержаться на ногах.

— Я... я... — из горла вырывается какой-то жалкий писк.

Брюнетка тем временем натягивает платье, хватает сумочку и, обежав меня широкой дугой, выбегает из ординаторской, громко хлопнув дверью.

А я стою и откровенно пялюсь, потому что не могу отвести взгляд.

Северов неторопливо подтягивает боксёры, потом брюки, застёгивает ремень. Всё это время он смотрит на меня с какой-то ленивой усмешкой.

— Белова, ты так пялишься, будто впервые мужика видишь, — говорит он, поправляя рубашку. — А, стоп. Ты же вчера сказала, что видела. В учебнике.

Наконец нахожу в себе силы закрыть рот и отвести взгляд.

— Я... простите. Мне нужно было постучать. Я не знала, что вы... что здесь... — бормочу, чувствуя, как щёки полыхают огнём.

— Что я здесь трахаюсь? — невозмутимо заканчивает он

фразу, и я вздрагиваю от прямоты. — Ну да, случается. Кабинет с замком, утро, свободное время до операции. Чем ещё заниматься?

Нахал проходит мимо меня к умывальнику, моет руки.

— Обычно студенты везде опаздывают.Ты что, так горишь желанием учиться?

— Я хотела подготовиться к операции, — выдавливаю из себя, всё ещё не в силах посмотреть ему в лицо.

— Похвально, — Северов вытирает руки полотенцем и разворачивается ко мне. Облокачивается о край раковины, скрещивает руки на груди. — Ну что, Белова? Как впечатления от утреннего шоу?

— Никаких, — бурчу, изучая собственные туфли. — Это ваше личное дело.

— Моё личное дело? — В его голосе появляются насмешливые нотки. — Ты ворвалась в ординаторскую без стука и застукала меня с пациенткой. Технически это теперь и твоё дело тоже.

— Я не ворвалась! Я просто... вошла. Не подумала, что нужно стучать.

— В следующий раз — думай, — он делает шаг в мою сторону, и я инстинктивно отступаю спиной к двери. — А то мало ли что увидишь. Можешь психику травмировать.

— У меня психика в порядке, — огрызаюсь, наконец находя в себе силы посмотреть ему в глаза. Ошибка. Потому что он смотрит на меня с таким выражением... хищным. Го-

лодным.

— Правда? — Ещё один шаг. Теперь между нами меньше метра. — А я смотрю, ты всё ещё красная, как рак. И дрожишь вся.

Его взгляд скользит по мне сверху вниз.

— От страха? Или от возбуждения?

Моя челюсть отвисает.

— Что?! Я не... я не возбуждена!

— Нет? — Северов усмехается. — Тогда почему твой взгляд три раза опустился ниже моего пояса с тех пор, как я застегнул штаны?

Чёрт. Дерьмо. Я, правда...

— Я не... это было непроизвольно! — несвязно мямлю в ответ. — Я вообще не хотела смотреть!

— Но смотрела, — констатирует наглец, и в его голосе читается явное удовольствие от моего замешательства. — Ничего, малышка. Это нормально. Любопытство — здоровая человеческая реакция.

— Если хочешь познакомиться с ним поближе, можно устроить личную экскурсию. Я не против. – хрипло произносит мужчина, склонившись к моему уху.

Кровь отливает от лица, а потом резко приливает обратно. Я уверена, что сейчас моё лицо цветом напоминает пожарную машину.

— Вы... вы издеваетесь надо мной? — с трудом выдавливаю.

— Абсолютно нет, — серьёзно говорит Северов, хотя в глазах пляшут насмешливые огоньки. — Я делаю тебе предложение. Хочешь изучить мужскую анатомию не по учебникам, а на практике — обращайся. Я хороший учитель, Белова. Очень... основательный.

Всё. Я сейчас умру. Просто умру от стыда прямо здесь, на полу ординаторской.

— Я... вы... это неприлично! — выпаливаю я, и сама себя ненавижу за то, что голос дрожит.

Все вокруг твердили о том, что Максим Северов – лучший хирург, уважаемый врач, а тут такое… Это не вяжется с моим воспитанием, от слова вообще. Мне казалось, что статус этого мужчины просто напросто не позволяет вести аморальный образ жизни.

— Неприлично, — соглашается он, выпрямляясь. — Но забавно. Ты такая напряжённая, Белова, как натянутая струна. Одно неосторожное движение и порвёшься.

Он проходит мимо меня к столу, достаёт историю болезни.

— Операция в десять. Советую привести себя в порядок, а то придёшь в операционную вся красная, пациентка подумает, что ты некомпетентная.

Я стою, вцепившись в дверную ручку, и пытаюсь унять дрожь в руках.

— И Белова? — Северов оборачивается, и на его губах играет дьявольская усмешка. — В следующий раз стучи.

Он выходит из ординаторской, оставляя меня одну.

Я сползаю по двери на пол, обхватываю колени руками, и уткнувшись лицом в ладони, издаю приглушённый стон.

Второй день. Это только второй гребаный день.

И я уже видела его обнажённым.

И он предложил мне... предложил...

Господи.

Как я вообще переживу этот месяц практики?

Глава 4.

— Скальпель, — бросает Северов, протягивая руку, даже не глядя в мою сторону.

Я торопливо подаю ему инструмент, стараясь не смотреть на обнажённую грудь пациентки — вернее, на то место, где скоро появится новая грудь.

Прошло пять дней. Пять чертовых дней практики у Максима Северова. И каждый из них — испытание на прочность моей психики.

— Белова, ты опять витаешь в облаках? — язвительно бросает он, делая разрез под грудью. — Или тебе скучно?

— Нет, я слежу за операцией, — выдавливаю из себя.

— Правда? Тогда скажи мне, какой размер импланта я буду устанавливать?

Чёрт. Я, правда, отвлеклась.

— Триста... пятьдесят миллилитров? — наугад говорю.

— Четыреста, — вздыхает Северов. — Опять двойка, малышка. Если так пойдёт дальше, к концу практики ты будешь

знать меньше, чем в начале.

Марина — та самая медсестра, которая теперь присутствует на всех операциях и явно наслаждается моими мучениями, снова приглушенно хихикает, аж бесит, курица.

— Тампон, — требует Северов, и я протягиваю ему салфетку.

Он промокает кровь, обнажая операционное поле, и продолжает работать. Его руки двигаются уверенно, точно — как всегда. Надо отдать должное, Максим Северов — гений в своём деле. Каждое движение выверено, каждый разрез идеален.

Жаль, что характер у него мерзкий.

— Итак, — говорит он, продолжая работу, — маммопластика. Увеличение груди путём установки эндопротезов. Белова, расскажи, какие доступы для установки имплантов существуют?

Я мобилизую остатки концентрации.

— Субмаммарный, периареолярный, трансаксиллярный и трансумбиликальный.

— Молодец. Хоть что-то помнишь. — Он делает паузу. — А теперь скажи, какой доступ мы используем сейчас?

— Субмаммарный. Разрез под грудью.

— Правильно. И почему именно его?

— Потому что он даёт лучший обзор операционного поля и минимизирует риск повреждения молочной железы.

— Отлично. Может, ты не совсем безнадёжна, — усмеха-

ется Северов, и даже через маску я вижу его дьявольскую ухмылку. — Хотя вчера ты перепутала анатомические слои при установке импланта. Напомни, под чем мы его располагаем?

Я сглатываю. Вчера была теоретическая подготовка — он гонял меня по учебникам два часа подряд, задавая вопросы один каверзнее другого.

— Субмускулярно или субгландулярно. В зависимости от показаний.

— А в данном случае? — Он формирует карман для импланта, и я слежу за движениями его рук, завороженная точностью.

— Субмускулярно. Под большую грудную мышцу.

— И почему?

— Потому что у пациентки недостаточный объём собственных тканей. Установка под мышцу даёт более естественный вид и снижает риск капсулярной контрактуры.

— Умница, — бросает Северов, и от этой неожиданной похвалы внутри что-то тепло сжимается.

Но через секунду он добавляет:

— Хотя объяснять ты можешь, а вот на практике, боюсь, у тебя руки дрожать будут. Особенно когда дойдёт до того, чтобы держать в руках имплант. Он же такой... упругий. Круглый. — Пауза. — Как думаешь, Белова, твои будущие будут такими же?

Я чуть не роняю инструмент.

— Что?!

— Твои груди, — невозмутимо продолжает он, устанавливая имплант в сформированный карман. — Собираешься увеличивать? Или природа и так хорошо постаралась?

Марина откровенно давится смехом. Анестезиолог делает вид, что ничего не слышит.

— Я... это неуместный вопрос! — шиплю в ответ, чувствуя, как краснеют даже уши.

— Почему неуместный? Мы же в клинике пластической хирургии. Все рано или поздно начинают думать об улучшениях. — Он поправляет имплант, проверяет симметричность. — Хотя, судя по тому, что я вижу под этим халатом, тебе увеличение не нужно. Разве что небольшая подтяжка лет через десять.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони даже через перчатки.

— Вы сейчас серьёзно обсуждаете мою грудь посреди операции?

— А что такого? — Северов переходит ко второй груди, повторяя манипуляции. — Я хирург. Оценивать женские тела — моя работа. И твоё тело, Белова, вполне... профессионально интересно.

— Заткнитесь, — цежу сквозь зубы.

— Ого. Студентка хамит наставнику. — Но в его голосе читается скорее веселье, чем возмущение. — Смелая ты, малышка. Или глупая. Ещё не решил.

Операция продолжается ещё минут сорок. Северов комментирует каждое действие, периодически задаёт вопросы, а между делом отпускает колкости, то о моей невнимательности, то о «мягких студенческих ручках», то о том, что я «слишком зажата для врача».

Когда он накладывает последний шов, я готова либо завыть, либо врезать ему по этому самодовольному лицу.

— Готово, — объявляет Северов, снимая перчатки. — Марина, повязка, пациентку в палату. — Он смотрит на меня. — Белова, в ординаторскую. Разбор полётов.

Я стягиваю перчатки и маску и молча иду за ним.

Ординаторская встречает привычной тишиной. Северов усаживается за стол, откидывается на спинку кресла и смотрит на меня оценивающе.

— Ну что, студентка? Как успехи?

Я стою посреди кабинета, чувствуя, как внутри закипает ярость.

— Никак.

— Никак? — Его бровь вздрагивает. — Поясни.

— Вы ставите меня в тупик на каждой операции. Задаёте вопросы, которых не было в программе. Отпускаете неуместные комментарии. И издеваетесь надо мной при каждом удобном случае.

— И? — Северов скрещивает руки на груди. — В чём проблема?

— Проблема в том, что я ничему не учусь! — выпаливаю я. — Я просто стою рядом и терплю ваши насмешки!

— Ты учишься, Белова. Просто не замечаешь этого. — Он встаёт из-за стол, подходит ближе. — Пять дней назад ты не знала, что такое лигаментотомия. Вчера объяснила мне технику периареолярного доступа без запинки. Это прогресс.

— Прогресс?! — Я чувствую, как дрожат руки. — Вы называете это прогрессом? Каждый день я ухожу отсюда с мыслью, что я никчёмная идиотка, которая зря потратила время!

— Значит, хочешь уйти? — спокойно спрашивает он. — Никто тебя не держит, малышка. Дверь вон там.

Смотрю в эти холодные серые глаза и понимаю: да, я хочу уйти. Хочу пойти к декану, попросить перевести меня в обычный стационар, к нормальному врачу, который не будет унижать меня на каждом шагу.

Но! Это будет означать, что я сдалась. Признала поражение. Разочаровала родителей, которые так гордились тем, что их дочь попала на практику к лучшему хирургу города.

Я сжимаю кулаки и качаю головой.

— Нет. Я не уйду.

— Правильно. — Северов усмехается. — Потому что ты упрямая. И это единственное, что мне в тебе нравится.

Он возвращается за стол, и я понимаю, что разговор окончен.

Выхожу из ординаторской, чувствуя себя выжатой как лимон.

А затем? Затем дни сливаются в одно бесконечное испытание.

Операция за операцией. Подколы за подколами. Вопросы, на которые я не знаю ответов. Едкие замечания. Холодные взгляды.

Я прихожу домой поздно вечером, валюсь на кровать и проваливаюсь в сон без сновидений. Утром просыпаюсь, пью кофе, еду в клинику — и всё повторяется заново.

Родители спрашивают, как дела. Я говорю: «Хорошо». Они довольны. Я ненавижу себя за ложь.

Но ещё больше я начинаю ненавидеть Максима Северова.

И одновременно — восхищаться им. Потому что он чертовски талантлив. Каждая его операция — произведение искусства.

Но это не отменяет того факта, что он законченный ублюдок.

Пятница. Конец второй недели практики.

Операционный день закончился поздно — последняя пациентка задержалась, потом были осложнения, пришлось долго возиться.

Сейчас почти девять вечера. Я переодеваюсь в ординаторской — раздевалка закрыта на плановую обработку, так что пришлось идти сюда.

Стягиваю халат, остаюсь в блузке и юбке. Достаю из шкафчика сумку, проверяю телефон — два пропущенных от

мамы.

Дверь распахивается без стука.

Я вскрикиваю, инстинктивно прикрываясь сумкой, и оборачиваюсь.

На пороге стоит Максим Северов. Без халата, в чёрной рубашке с закатанными рукавами и брюках. Волосы слегка растрёпаны, галстук ослаблен.

И от него пахнет алкоголем.

— Северов?! — выдыхаю я. — Вы что... вы не могли постучать?!

— А зачем? — Он заходит внутрь, прикрывая дверь за собой. Движется слегка неуверенно — не пьян, но определённо выпивший. — Это моя ординаторская. Я тут главный.

Я отступаю на шаг, прижимая сумку к груди.

— Вы пили?

— Пил, — легко соглашается он, проходя к дивану и плюхаясь на него. — Виски. Пара стаканов после рабочего дня. Проблемы?

— Вы... вы врач, — бормочу я, ошарашенная. — Я не думала, что вы...

— Что я что? Пью? Расслабляюсь после работы? Веселюсь? — Северов усмехается, откидывая голову на спинку дивана. — Белова, ты такая наивная. Врачи — тоже люди. Мы тоже пьём, курим, трахаемся и делаем кучу неправильных вещей. Я не исключение.

Я моргаю, не зная, что ответить.

— Я просто... не ожидала, — честно признаюсь.

— Не ожидала, — передразнивает он, прикрывая глаза. — Ты вообще много чего не ожидала, малышка. Не ожидала, что практика будет тяжёлой. Не ожидала, что я буду жёстким. Не ожидала застать меня с пациенткой в этой самой ординаторской.

Я краснею, вспоминая тот злополучное утро.

— Можете не напоминать.

— Почему нет? Это было забавно. — Он открывает один глаз и смотрит на меня. — Ты тогда чуть в обморок не упала. Такая вся красная, с выпученными глазами.

— Я просто... не привыкла к такому, — бормочу, опуская взгляд.

— Не привыкла, — повторяет Северов, и в его голосе появляются насмешливые нотки. — Ты вообще ко многому не привыкла, Белова. Ты как туго натянутая струна. Вся в напряжении. Боишься сделать лишний шаг, сказать лишнее слово. — Он садится ровнее, внимательно глядя на меня. — Когда ты в последний раз расслаблялась?

— Я... это не ваше дело.

— Моё. Потому что с такой зажатостью ты хирургом не станешь. — Он встаёт с дивана, и я непроизвольно отступаю к стене. — В операционной нужна холодная голова и твёрдая рука. А у тебя руки трясутся каждый раз, когда я стою слишком близко.

Он прав. Чёрт бы его побрал, но он прав.

— Это потому что вы меня пугаете, — выпаливаю я.

— Пугаю? — Северов останавливается в паре метров от меня, и на его губах играет усмешка. — Или возбуждаю?

Кровь отливает от лица.

— Что?! Нет! Вы меня не... я не... — бормочу, спотыкаясь о слова.

— Опять врёшь, — мягко говорит он, делая шаг ближе. — И себе, и мне. Ты краснеешь каждый раз, когда я касаюсь тебя. Твой пульс учащается, зрачки расширяются. Ты отводишь взгляд, сжимаешь кулаки. — Ещё шаг. — Классические признаки возбуждения, Белова. Или ты хочешь сказать, что я ошибаюсь?

Я прижимаюсь спиной к стене, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Вы... вы высокомерный, самовлюблённый хам! — срываюсь я, и слова вырываются сами собой. — Вы думаете, что все вокруг должны падать перед вами на колени! Вы унижаете меня, издеваетесь надо мной, делаете всё, чтобы я почувствовала себя никчёмной! И знаете, почему?!

Северов молчит, внимательно глядя на меня.

— Потому что вы боитесь! — кричу я, и мне уже всё равно. — Боитесь, что кто-то станет лучше вас! Боитесь конкуренции! Вот почему вы не берёте студентов! Потому что боитесь, что они превзойдут вас!

Тишина.

Я тяжело дышу, всё ещё прижатая к стене, и жду... че-

го? Что он взорвётся? Выгонит меня? Скажет, что практика окончена?

Но вместо этого на губах Северова появляется медленная, хищная улыбка.

— Вот теперь ты мне нравишься, Белова, — хрипло говорит он.

Я моргаю, не понимая.

— Что?

— Ты наконец перестала быть покорной овечкой. — Он подходит ближе, и теперь между нами всего несколько сантиметров. — Огрызаешься. Защищаешься. Показываешь характер. — Его рука поднимается, пальцы касаются моего подбородка, заставляя поднять голову. — Мне это нравится. Очень нравится.

Я вся дрожу, но не могу отвести взгляд от его глаз.

— Я не понимаю...

— Поймёшь. — Северов наклоняется ближе, и его дыхание обжигает мои губы. — Я научу тебя, Белова. Сделаю из тебя лучшего хирурга. Но на моих условиях.

— К-каких? — заикаюсь я.

— Таких, где ты перестанешь бояться меня. Перестанешь краснеть, как школьница, убегать каждый раз, когда я подхожу слишком близко. — Его большой палец скользит по моей нижней губе — медленно, обжигающе. — Таких, где ты будешь делать всё, что я скажу. В операционной... — пауза, — и далеко за её пределами.

Мой разум кричит: *беги! Это неправильно! Это опасно!*

Но тело предательски замирает, откликаясь на его прикосновение.

— Я... я не знаю... — шепчу.

— Я подожду, — говорит Северов, отстраняясь. Но его взгляд по-прежнему прикован ко мне. — Подумай, Белова. Хорошенько подумай. Ты можешь уйти прямо сейчас — вернуться в свой безопасный мирок, к своим учебникам и пятёркам. — Он делает паузу. — Или остаться. И стать тем, кем всегда мечтала быть.

Он разворачивается и выходит из ординаторской, оставляя меня стоять у стены с бешено колотящимся сердцем и дрожащими руками.

Я сползаю на пол, обхватывая колени, и пытаюсь отдышаться.

Что только что произошло?

Максим Северов только что... только что предложил мне...

Что именно он предложил?

Обучение? Или что-то большее?

И самое страшное — почему какая-то часть меня хочет согласиться?

Глава 5.

Лежу в своей кровати, уставившись в потолок, и считаю трещины на побелке. Двадцать три. Двадцать четыре, если та справа тоже считается.

Часы на тумбочке показывают 3:47.

Я не сомкнула глаз с тех пор, как вернулась домой из клиники. Просто лежу и прокручиваю в голове каждое слово Максима Северова.

«Ты будешь делать всё, что я скажу. В операционной... и далеко за её пределами».

Что это вообще значит? Что он хотел этим сказать?

Я переворачиваюсь на бок, зарываюсь лицом в подушку и сжимаю её руками. *Как он посмел?*Какого чёрта он вообще думает о себе? Талантливый хирург, светило медицины, поэтому может позволить себе делать двусмысленные намёки студенткам?

Ему что, пациенток мало? Я же видела ту брюнетку на столе в ординаторской. Видела, как он смотрел на неё, как прикасался. У него явно нет проблем с женским вниманием. Так почему он переключился на меня?

«Ты краснеешь каждый раз, когда я касаюсь тебя. Твой пульс учащается, зрачки расширяются»

Я зажмуриваюсь, пытаясь прогнать этот хриплый голос из головы.

Нет. Это не так. Я не... я не возбуждаюсь от него. Это просто нервная реакция. Страх. Стресс.

«Ложь».- внутренний голос звучит предательски насмешливо.

«Ты прекрасно знаешь, что это не страх. Ты чувствуешь это каждый раз, когда он подходит слишком близко. Когда его пальцы касаются твоей кожи. Когда его голос стано-

вится низким и хриплым».

Я стискиваю зубы и резко сажусь на кровати.

Нет. Я не буду об этом думать. Максим Северов — отвратительный, высокомерный ублюдок. Точка. И мне плевать, что он красив, талантлив и от одного его взгляда внутри всё переворачивается.

Я здесь ради карьеры. Ради мечты. А не ради... чего бы там он ни предлагал.

Я ложусь обратно, натягиваю одеяло до подбородка и приказываю себе заснуть.

Но сон так и не приходит.

Зато долбанное утро встречает меня помятым лицом, синяками под глазами и отвратительным настроением.

— Сонечка, ты плохо выглядишь, — говорит мама за завтраком, с тревогой разглядывая меня. — Не заболела?

— Просто плохо спала, — бормочу, запихивая в себя овсянку.

— Из-за практики? — Папа откладывает газету. — Не перегружайся, доченька. Здоровье важнее.

Если бы вы знали, из-за чего я не спала.

— Всё нормально, пап. Просто волновалась перед... перед одной операцией.

Ложь скатывается с языка легко. Слишком легко.

— Ну смотри, — говорит отец, но в его голосе слышится гордость. — Наша дочь уже волнуется перед операциями. Настоящий доктор растёт.

Я пытаюсь улыбнуться, но получается кривая гримаса.

После завтрака собираюсь в университет — сегодня пятница, и мне нужно отработать несколько пропущенных пар и сдать рефераты. Практика освобождает от занятий, но не от текущих заданий.

Медицинский университет встречает привычным гулом голосов, запахом кофе из автомата и сигаретным дымом у входа.

Я поднимаюсь на четвёртый этаж, к кафедре хирургии, и уже издалека слышу знакомые голоса.

Только не они. Только не сегодня.

Но судьба, как всегда, не на моей стороне.

У двери в кафедру стоят Кристина и Вика — две девицы из моей группы. Кристина — блондинка с нарощенными ресницами и маникюром за пять тысяч. Вика — рыжая с силиконовыми губами и грудью третьего размера, которую она не стесняется демонстрировать в обтягивающих кофтах. Обе дочки богатых родителей, которые купили им место в университете, но забыли вложить мозги.

И обе ненавидят меня за то, что я учусь лучше.

— О, смотри-ка, — протягивает Кристина, заметив меня. — Сама Соня Белова. Звезда нашей группы. Как там твоя практика у великого Северова?

Я стискиваю зубы и пытаюсь пройти мимо.

— Нормально.

— Нормально? — Вика преграждает мне дорогу, скрестив

руки на груди и выпячивая свою силиконовую гордость. — Только нормально? А мне Маринка из его клиники рассказывала, что ты там каждый день краснеешь, как рак и чуть в обморок не падаешь.

Меня окатывает холодом. Маринка. Та самая медсестра.

— Не твоё дело, — бурчу я, пытаясь протиснуться мимо.

— Подожди-подожди, — Кристина хватает меня за локоть. На её лице появляется ядовитая улыбка. — Мы ж просто интересуемся. Как ты вообще туда попала? К Северову? Он же студентов принципиально не берёт.

— Декан договорился, — отвечаю, дёргая руку.

— Декан договорился, — передразнивает Вика. — Ага, конечно. А на самом деле ты кому-то отсосала, да? Декану? Или самому Северову?

Кровь отливает от лица.

— Заткнись.

— Ой, какая грозная, — хихикает Кристина. — А что? Это ж логично. Ты-то понимаешь, что своими мозгами никого уже не пробьёшь? Все знают, что Северов берёт только тех, кто может предложить что-то кроме знаний. — Она многозначительно окидывает меня взглядом. — Хотя в твоём случае... сомневаюсь, что у тебя есть что предложить.

— Ну да, — поддакивает Вика, презрительно фыркая. — Такая серая мышь даже сосать, наверное, не умеет. Максимум стоит в операционной и пялится.

— Северов её скоро выкинет, — уверенно заявляет Кри-

стина. — Знаешь, сколько он девок меняет? Трахает всё, что ни попадя. Говорят, у него в клинике каждая медсестра через постель прошла. — Она усмехается. — Так что твои мозги, дорогуша, никому на хрен не нужны. А как баба ты — ноль. Так что наслаждайся, пока можешь. Недели через две он найдёт себе новую игрушку поинтереснее.

Внутри что-то рвётся.

Я вырываю руку из хватки Кристины и в упор смотрю на неё.

— Ты закончила?

— Ещё нет, — Кристина наслаждается моей реакцией. — Хочешь совет? Раздвинь пошире ноги и помолчи. Может, тогда он тебя подольше потерпит. Хотя...

Я не слушаю дальше.

Разворачиваюсь и быстрым шагом иду прочь, пока они не увидели слёз, которые предательски наворачиваются на глаза.

Их смех преследует меня до самой лестницы.

Я прячусь в туалете на третьем этаже — там почти никто не ходит, только техперсонал.

Запираюсь в кабинке, опускаюсь на закрытый унитаз и зарываюсь лицом в ладони.

И плачу.

Плачу от обиды, от злости, от бессилия.

«Такая серая мышь даже сосать не умеет».

«Как баба ты — ноль».

«Северов тебя скоро выкинет».

Все эти слова эхом звенят в ушах и я не могу ничего поделать, не могу выбросить их из головы. Может, они правы? Может, я действительно никчёмная серая мышь, которая попала на практику только потому, что декан попросил?

Может, Северов действительно ждёт, когда я сама уйду, потому что ему лень выгонять?

— Нет, — шепчу я сквозь слёзы. — Нет, нет, нет.

Я не хочу, чтобы они были правы. Не хочу быть той жалкой девчонкой, над которой все смеются.

Вытираю слёзы тыльной стороной ладони, достаю телефон, смотрю на своё заплаканное отражение в камере.

Соня Белова. Ты не такая. Ты сильнее.

Я всю жизнь доказывала всем вокруг, что чего-то стою. Что могу добиться большего, чем те, у кого есть богатые родители и связи.

И чёрт возьми, я не позволю этим двум курицам сломать меня.

«Хочешь научиться быть лучше меня, Белова? Я научу. Но на своих условиях»- голос Северова эхом отдаётся в голове.

Я медленно выпрямляюсь, умываю лицо холодной водой, поправляю волосы.

Смотрю в зеркало.

Мои глаза больше не плачут. В них горит решимость.

Я покажу им всем. И Кристине с Викой. И Северову. И

себе.

Я буду лучшей. Любой ценой.

Глава 6.

Врываюсь в клинику в половине седьмого вечера — уже почти никого нет, только дежурная медсестра на ресепшене.

— Северов ещё здесь? — спрашиваю, не останавливаясь.

— В кабинете, кажется, — она моргает, удивлённая моим напором.

Я поднимаюсь на второй этаж, иду к его кабинету. Останавливаюсь у двери.

Последний шанс уйти, Соня.

Я сжимаю кулаки и стучу.

— Войдите.

Толкаю дверь.

Северов сидит за столом, перебирая какие-то бумаги. Поднимает взгляд, и на его лице появляется удивление.

— Белова? Ты почему здесь? Сегодня же твой выходной.

Я захожу внутрь, закрываю дверь за спиной. Подхожу к столу.

— Я согласна.

Он откладывает ручку, внимательно глядя на меня.

— На что согласна?

— На ваши условия. — Я поднимаю подбородок, заставляя себя смотреть ему в глаза. — Какие бы они ни были. Я буду делать всё, что вы скажете.

Тишина.

Северов откидывается на спинку кресла, скрещивает руки на груди и изучает меня с таким выражением, будто видит впервые.

— Интересно, — медленно произносит он. — Что случилось, малышка? Вчера ты выглядела напуганной. А сегодня врываешься сюда с горящими глазами и соглашаешься на непонятные условия.

— Неважно, что случилось, — огрызаюсь в ответ. — Важно, что я согласна.

— Мне важно. — Он встаёт из-за стола, обходит его и садится на край, прямо напротив меня. — Что тебя так завело, Белова?

Я сжимаю губы.

— Я просто... я хочу доказать, что могу. Что я не...

— Что ты не кто?

— Не серая мышь, — выпаливаю я, и голос предательски дрожит. — Не та, над кем все смеются. Не та, которую выкинут через две недели, потому что мои мозги никому не нужны, а как баба я — ноль.

Слова вырываются сами собой, и я готова кусать себе локти за эту откровенность, но уже поздно.

Северов смотрит на меня долгим, оценивающим взглядом.

— Кто это тебе сказал?

— Неважно.

— Важно, — его голос становится жёстче. — Кто?

— Сокурсницы, — бормочу я, опуская взгляд. — Сказали, что я попала на практику, потому что кому-то отсосала. Что вы меня скоро выкинете, потому что трахаете всё подряд, и я вам неинтересна.

Я ожидала, что он рассмеётся. Или скажет что-то язвительное.

Но вместо этого Северов тихо выдыхает и качает головой.

— Завистливые дуры.

Я поднимаю на него взгляд, удивлённая.

— Что?

— Твои сокурсницы — завистливые дуры, — спокойно повторяет Северов. — Которые злятся, потому что ты умнее их. И вместо того, чтобы признать твои заслуги, они пытаются унизить тебя грязными слухами.

Внутри что-то сжимается от этих слов.

— Но они... они правы. Я действительно серая мышь. И как баба я...

— Заткнись, — обрывает Северов, и в его голосе звучит приказ. — Перестань повторять эту хрень.

Он встаёт, подходит ближе, и я инстинктивно отступаю, пока не упираюсь задницей в край стола.

— Сколько тебе лет, Белова? — вдруг спрашивает мужчина, заинтересованно хмуря брови.

— Двадцать два.

— Двадцать два. А ведёшь себя как закомплексованная подросток. — Он садится на другой край стола, буквально

нависая надо мной. — Ты хочешь стать хирургом?

— Да.

— Тогда перестань жалеть себя. Перестань слушать тех, кто тебя унижает. И начни верить в себя. — Его вторая рука ложится на мое плечо, и я вздрагиваю от прикосновения. — Ты умная, Белова. Талантливая. У тебя хорошая память, быстрая реакция, аналитический склад ума. Из тебя выйдет отличный хирург. — Пауза. — Если ты перестанешь бояться.

Я смотрю в его серые глаза и не могу отвести взгляд.

— Я не боюсь.

— Врёшь, — мягко говорит он, и его большой палец поглаживает моё плечо. — Ты боишься всего. Боишься ошибиться. Боишься, что тебя осудят. Боишься меня. — Он наклоняется ближе, и его губы почти касаются моего уха. — Боишься того, что чувствуешь, когда я прикасаюсь к тебе.

Сердце колотится так, что слышно в ушах. Господи, что несет этот негодяй?! Он чт опять пьян!?

— Я не...

— Тише, малышка. — Его дыхание обжигает мою шею. — Перестань врать. Особенно себе.

Он отстраняется, и я непроизвольно выдыхаю.

— Ты сказала, что согласна на мои условия, — говорит Северов, внезапно отстраняясь от стола. — Хорошо. Первое условие: ты перестаёшь вести себя как напуганная девственница каждый раз, когда я подхожу близко.

Я моргаю, как полная дура. Дыхание перехватывает, а гла-

за непроизвольно выпучиваются.

— Я не веду себя...

— Ведёшь. Краснеешь, отводишь взгляд, сжимаешь кулаки. — Он усмехается. — Ты врач, Белова. Точнее, будущий врач. Тебе предстоит держать в руках скальпель. И не только скальпель. — Его взгляд становится многозначительным. — Так что учись быть увереннее. Твёрдо держи инструмент в руках. Смотри в глаза. Не дрожи.

— Я... постараюсь.

— Не постараешься. Будешь, — жёстко говорит он. — Второе условие: ты делаешь всё, что я говорю. Без споров, без отговорок, без «я не знаю». Если я говорю подать инструмент — подаёшь. Если говорю объяснить технику операции — объясняешь. Если говорю остаться после работы и разобрать ошибки — остаёшься. Ясно?

— Ясно.

— Хорошо. — Северов снова подходит ближе, и его взгляд становится тяжёлым, пронзительным. — Третье условие... самое важное.

Я сглатываю, чувствуя, как пересыхает во рту.

— Какое?

— Ты доверяешь мне. — Его рука поднимается, пальцы касаются моей щеки. — Полностью. Я буду учить тебя. Толкать на грань. Заставлять делать то, на что ты не решилась бы сама. И ты должна мне доверять. Потому что я знаю, что делаю.

Его прикосновение обжигает. Я смотрю в его глаза и вижу в них что-то тёмное, опасное.

— Я... я согласна, — шепчу.

Улыбка Северова становится хищной.

— Тогда добро пожаловать в настоящее обучение, малышка.

Глава 7.

Сижу дома на кровати, обхватив колени руками, и пытаюсь осмыслить то, что натворила вчера.

«Чем я думала?» - единственная мысль, которая крутится в голове.

Господи, как же это глупо звучит сейчас. Как отчаянная женщина средних лет, которая готова на всё ради последнего шанса.

А мне всего двадцать два, чёрт возьми.

Я зарываюсь лицом в подушку и издаю приглушённый стон.

Хотя если честно... Я ожидала худшего. Когда влетела к Северову в кабинет с этим своим «я согласна», в голове крутились сценарии из плохих романов. Типа он скажет что-то вроде: «Хорошо, малышка, раздевайся» или «Встань на колени, и я покажу тебе, чему нужно учиться в первую очередь».

Но нет.

Его условия оказались... нормальными. Не краснеть. Делать всё, что он говорит. Доверять ему.

Да, были намёки. Эти его взгляды, прикосновения, фразы про «держать в руках не только скальпель», но конкретики - ноль.

Всё по делу. Всё про обучение.

Так почему же у меня внутри всё сжалось, когда он коснулся моей щеки?

Я переворачиваюсь на спину и тупо смотрю в потолок.

Может, эти курицы правы? Может, у меня действительно серьёзный недостаток мужского внимания, раз я так реагирую на обычные касания?

Хотя какие тут обычные касания? Максим Северов не делает ничего просто так. Каждое его прикосновение рассчитано. Каждый взгляд. Каждое слово.

Хватит. Спать. Завтра рабочий день.

Я натягиваю одеяло и закрываю глаза, приказывая мозгу на хрен заткнуться.

Следующее утро начинается с привычной рутины: душ, кофе, дорога до клиники.

Я прихожу ровно в восемь, переодеваюсь в халат и отправляюсь на операцию.

Северов уже в операционной, изучает историю болезни пациентки. Поднимает взгляд, когда я вхожу.

— Вовремя. Уже прогресс, — бросает он. — Сегодня ринопластика. Надеюсь, ты хоть что-то про неё знаешь?

— Знаю, — отвечаю, стараясь держаться увереннее.

— Отлично. Тогда объясни мне технику закрытого досту-

па.

Я делаю глубокий вдох, и начинаю рассказывать. На этот раз не сбиваюсь, не мямлю. Говорю чётко, по делу.

Северов слушает, не перебивая, и в его глазах проскакивает что-то похожее на одобрение.

— Молодец. Видишь, когда ты не психуешь, можешь вполне толково изъясняться.

Операция проходит в обычном режиме. Северов работает, комментирует каждое действие, задаёт вопросы. Я отвечаю, подаю инструменты, слежу за процессом.

И всё было бы нормально, если бы не одно «но».

Каждый раз, когда он подходит слишком близко — поправить моё положение, показать что-то на операционном поле, дотянуться до инструмента, — внутри всё сжимается. Сердце колотится быстрее. Дыхание учащается. Кожа покрывается мурашками.

Что со мной не так?

Я пытаюсь контролировать реакцию, но тело предательски откликается на каждое его движение.

— Белова, ты чего там замерла? — рявкает Северов. — Подай зажим.

Вздрагиваю и торопливо протягиваю инструмент.

Марина, как всегда, наблюдает за мной с плохо скрытым весельем.

Может, мне правда пора завести парня?

Мысль приходит неожиданно, но логика в ней есть. Мо-

жет, всё дело в том, что я слишком долго сидела в воздержании? Мозг буксует, гормоны бушуют, и теперь я реагирую на любого более-менее привлекательного мужчину?

Только где взять этого парня?

В универе все, либо такие же зубрилы, как я, либо идиоты. В клинике — одни пациенты и медсёстры. Да и времени свободного ноль.

Тиндер?

Я мысленно представляю себя, листающую фотографии мужиков в спортзале, и морщусь. Нет, это не моё.

— Белова! — голос Северова выдергивает меня из размышлений. — Ты опять где-то витаешь. Сосредоточься!

— Извините.

Операция заканчивается через два часа. Пациентку увозят в палату, Северов снимает перчатки и смотрит на меня.

— В ординаторскую. Через десять минут.

Я киваю и иду переодеваться, чувствуя, как нарастает тревога.

Разбор полётов. Опять.

Ординаторская встречает привычной тишиной. Северов сидит за столом, перебирая бумаги. Я опускаюсь на стул напротив.

— Итак, — начинает он, откладывая ручку. — Сегодня ты была лучше, чем вчера. Меньше тупила, быстрее реагировала. Но всё ещё есть проблемы.

Я сжимаю руки на коленях.

— Какие?

— Ты отвлекаешься. Причём в самые неподходящие моменты. — Он смотрит на меня в упор. — О чём ты думала во время операции?

«О том, что мне нужен парень, чтобы перестать так реагировать на вас» - проносится в моей голосе и я едва сдерживаюсь, чтобы не улыбнуться.

Но вслух это сказать всё равно, что подписать себе приговор.

— Просто... концентрировалась на процессе.

— Врёшь. — Северов усмехается. — Ты постоянно краснела. Особенно когда я был рядом. — Он делает паузу. — Хотя вроде договорились, что ты перестанешь вести себя, как напуганная школьница.

— Я стараюсь.

— Старайся лучше. — Он откидывается на спинку кресла, скрещивая руки на груди. — Что ещё?

Я набираю воздуха в грудь, собираясь с духом.

— Можно вопрос?

— Валяй.

— Зачем вы согласились мне помогать? — выпаливаю я, не поднимая взгляда. — Вы же не берёте студентов. Вообще. А тут вдруг согласились. Почему?

Тишина повисает в воздухе.

Я поднимаю глаза и вижу, что Северов смотрит на меня с каким-то странным выражением лица.

— Хочешь услышать правду или красивую ложь?

— Правду.

— Потому что твой декан мой старый друг, и я не смог отказать. — усмехается мужчина, не сводя с меня взгляда. — А ещё потому, что мне стало любопытно.

— Любопытно? — переспрашиваю я.

— Угу. Любопытно, как долго ты продержишься. — Северов встаёт из-за стола, подходит к окну. — Декан расхваливал тебя, как лучшую студентку за последние пять лет. Говорил, что ты умная, целеустремлённая, с потенциалом. Я подумал: «Окей, посмотрим на эту чудо-студентку». — Он оборачивается. — И что я вижу? Напуганную девчонку, которая краснеет от одного взгляда и чуть не падает в обморок при виде члена.

Я чувствую, как вспыхивают щёки.

— Я не падала в обморок.

— Ты была близка к этому. Дважды. — Он усмехается. — Так что я решил проверить, насколько ты устойчива. Начал тебя гонять. Задавать каверзные вопросы. Отпускать колкости. Ждал, когда ты сорвёшься и сбежишь.

Внутри что-то сжимается.

— То есть вы специально издевались надо мной?

— Не издевался. Испытывал. — Северов подходит ближе, садится на край стола прямо передо мной. — И знаешь что? Ты выдержала. Злилась, обижалась, плакала небось по ночам, но не сбежала. Пришла и согласилась на сомнитель-

ные условия.

Он наклоняется вперёд, и его лицо оказывается слишком близко.

— А теперь вопрос к тебе, Белова. Почему ты позволила себе сорваться из-за слов каких-то завистливых курочек? — Его голос становится жёстче. — Какого чёрта ты вообще обращаешь внимание на то, что они говорят?

Я сжимаю кулаки.

— Потому что задолбалась быть серой мышью. — Слова вырываются сами. — Задолбалась слушать, что я умею только книжки зубрить, что как баба я ноль, что меня никто не воспринимает всерьёз.

— И ты решила доказать им обратное, согласившись на мои условия? Очень логично, малышка.

Я поднимаю на него взгляд, чувствуя, как закипает обида.

— А что мне было делать?

— Забить на них, — спокойно отвечает он. — Просто делать свою работу и не париться по поводу чужого мнения.

— Легко говорить.

— Сложно делать, но необходимо. — Он наклоняется ещё ближе, и я чувствую запах его парфюма. — Хотя меня больше интересует другой вопрос. — Пауза. — О чём ты думала, когда примчалась сюда и согласилась на эти условия?

Я моргаю, не понимая подвоха.

— Я... я просто хотела доказать, что могу...

— Нет. — Северов качает головой. — Ты думала о дру-

гом. — Его рука ложится на подлокотник моего кресла, и он нависает надо мной. — Ты думала, что я предложу тебе что-то грязное. Пошлое. Непристойное.

Я краснею до корней волос.

— Нет! Я не...

— Врёшь. — Его губы изгибаются в усмешке. — Я видел твоё лицо. Ты ожидала, что я скажу: «Раздевайся» или «Встань на колени». — Он делает паузу. — И знаешь что самое интересное?

— Что? — едва слышно выдавливаю я, не в силах отвести взгляд.

— Ты была готова согласиться. — Северов произносит это так уверенно, что у меня перехватывает дыхание. — Готова на всё, лишь бы доказать этим дурам, что ты не серая мышь.

— Я... это не так...

— Это именно так. — Он выпрямляется, но не отходит. — Ты знаешь, что я думаю, Белова?

Я мотаю головой, не доверяя собственному голосу.

— Я думаю, что у тебя серьёзный недотрах. — Он произносит это так спокойно, будто обсуждает погоду. — Настолько серьёзный, что ты готова согласиться на непонятные условия только потому, что тебе понравилось, как я коснулся твоей щеки.

Мой рот открывается, но звука не выходит.

— Я... что?! — наконец выдавливаю. — Вы... вы серьёз-

но?!

— Абсолютно. — Северов усмехается, явно наслаждаясь моим замешательством. — Ты поняла, малышка? У тебя недотрах. Причём запущенный. Настолько, что ты краснеешь от каждого моего взгляда и дрожишь, когда я стою рядом.

Я вскакиваю с кресла, чувствуя, как полыхает лицо.

— Это... это неправда! И вообще, это неуместно!

— Неуместно? — Он встаёт, и мы оказываемся слишком близко. — Белова, я врач. Я вижу физиологические реакции. Твой пульс учащается, зрачки расширяются, дыхание сбивается. Классические признаки сексуального возбуждения. — Пауза. — Или ты хочешь сказать, что я ошибаюсь?

Я отступаю на шаг, но натыкаюсь на кресло.

— Вы... вы просто высокомерный ублюдок, который думает, что все женщины должны падать к его ногам!

— Не все. — Северов делает шаг вперёд. — Только те, у кого недотрах, как у тебя.

— У меня нет никакого недотраха! — кричу я, хотя внутри всё сжимается, потому что чёрт возьми, может он и прав.

— Правда? — Его рука внезапно оказывается на моей талии. — Тогда почему ты дрожишь?

Я смотрю на него снизу вверх, и внутри всё переворачивается.

— Потому что вы меня пугаете.

— Нет, малышка. — Его голос становится низким, хрип-

лым. — Я тебя не пугаю. Я тебя возбуждаю. И ты не знаешь, что с этим делать.

— Я... — моё дыхание сбивается. — Это не так.

— Тогда докажи. — Он наклоняется ближе, и его губы почти касаются моего уха. — Оттолкни меня. Скажи, что я не прав. Уйди отсюда прямо сейчас.

Я стою, прижатая к креслу, и не могу пошевелиться.

Потому что он прав. Чёрт бы его побрал, но он прав.

Я не боюсь его. Я возбуждаюсь от него. И это пугает меня больше, чем что-либо другое.

— Видишь? — шепчет Северов где-то рядом с моим ухом. — Ты не можешь. Потому что тебе это нравится.

Его дыхание обжигает мою кожу, и внутри всё сжимается в тугой узел.

— Что... что вы от меня хотите? — выдавливаю я, голос дрожит.

— Ничего. Пока. — Он отстраняется, и холод заполняет пространство между нами. — Просто хочу, чтобы ты была честна. С собой. И со мной. — Его взгляд становится жёстким. — Ты хочешь стать лучшим хирургом? Тогда перестань врать себе.

Он проходит мимо меня к двери.

— Завтра в девять утра. Блефаропластика. Не опоздай.

Дверь закрывается за ним с тихим щелчком.

Я стою посреди ординаторской, всё ещё пытаясь отдышаться после его слов, когда дверь внезапно снова открыва-

ется.

Северов возвращается, прикрывая дверь за собой. Щёлкает замок.

Мой желудок делает кувырок.

— Что... — начинаю я, но он перебивает:

— Знаешь, Белова, я тут подумал. — Он идёт ко мне медленно, как хищник, который уже загнал добычу в угол. — Если эта проблема мешает тебе учиться и работать... — он останавливается в паре шагов, — то я могу с ней помочь. Прямо сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.